

УДК 811.111'255.4:811.161.1'255.4:821.111(73)

Т.П. Лихач¹, Ю.В. Дроздович²

¹ст. преподаватель каф. английского языка
и методики преподавания иностранных языков

Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина

²учитель английского языка СШ № 15 г. Мозыря

e-mail: ¹antorub@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ ДУАЛИСТИЧНОСТИ МИРОВОСПРИЯТИЯ СРЕДСТВАМИ МОРФЕМНОГО И ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОВТОРА В РАССКАЗЕ О. ГЕНРИ «КВАДРАТУРА КРУГА»

Рассматриваются символическая и эмфатическая функции повтора (а также тропов, включенных в повтор), моделирующего структурное содержание рассказа О. Генри «Squaring the circle» и его перевода на русский язык, выполненного Н. Дарузес. В терминах деривационной лексикологии аргументируется текстопорождающий потенциал итерированных ключевых слов, выражающих, с одной стороны, смежные, а с другой – контрастирующие понятия, посредством которых изображается двойственный характер мировосприятия. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ лексических переводческих соответствий, охваченных морфемным и или лексическим повтором, на основе чего делается вывод о приемлемости используемой переводческой техники для интенсификации символического смысла рассказа. Определяется степень эквивалентности первичного и вторичного текстов произведения на уровне структурного содержания.

Введение

Дуализм когнитивного сознания, часто выражаемый парадоксальными, не сводимыми друг к другу суждениями о мире, присущ человеку как мыслящему и рефлексующему субъекту речевой деятельности. Поэтому не удивительно, что в фокус современной лингвистики, точнее такого ее направления, как деривационная лексикология, помещен текст, понимаемый как продукт мыслеречедеятельности, в котором запечатлевается (на уровне используемых языковых знаков и структурно-семантических отношений между ними) деривационно-мотивационный процесс генерации смысла сообщения.

В рассказе О. Генри «Квадратура круга» очень ярко, на наш взгляд, раскрывается функциональный динамизм морфемной структуры ключевых слов, находящихся по отношению друг к другу в семантических оппозициях. Включаясь по признаку генетического родства в параллельно разворачиваемые лексико-деривационные ряды, данные оппозиции детерминируют движение авторской мысли как бы в противоположных направлениях, за счет чего и удаётся создать двойственность в восприятии и оценке действительности, уловить парадоксальность сюжетной линии.

Наша непосредственная задача сводится к анализу языковой техники построения исходного (ИТ) и переводного текстов (ПТ) упомянутого рассказа, которая базируется на использовании морфемного и лексического повтора преимущественно в символической и эмфатической функциях, что позволяет эксплицировать и интенсифицировать передачу речевого смысла. Попытаемся, во-первых, аргументировать деривационный потенциал ключевых контекстных слов и/или словоформ, объединенных повтором, и, во-вторых, установить степень их переводческой эквивалентности на уровне не столько коммуникативного, сколько структурного содержания текста. Лингвистическому анализу будут подвергнуты итерированные элементы рассказа, которые отличаются большей функциональной нагруженностью, – главным образом лексемы, включенные в семантические оппозиции.

Из представленных переводов произведения на русский язык, выполненных Л. Гаусманом, Н. Жуковской, Н. Дарузес, Т. Ивановой, остановим внимание на переводе Н. Дарузес, отличающемся особой художественной образностью.

Семантическая двуплановость (парадоксальность) заголовка и ее роль в антиципации авторского замысла

Анализируя «поэтологическую систему» О. Генри, Е.И. Сибирцева отмечает, что «парадокс складывается не только из-за нарушения логических связей, но возникает и на уровне эмоционального восприятия» [1, с. 87]. Специфику модуса художественности большинства рассказов О. Генри, по ее мнению, составляет парадоксальное превращение ситуации в финале, резко меняющее акценты повествования: «изначально комическая коллизия приобретает сентиментальную окраску» [1, с. 88]. Последнее утверждение приложимо и к сюжету рассказа «*Squaring the circle*» («Квадратура круга»): комически описываемая вендетта (итал. *vendetta* – мщение), процветавшая между семействами Фолуэл и Гаркнесс в течение сорока лет, завершается не сценой уничтожения Сэмом Фолуэлом своего последнего кровного врага, а сценой примирения с ним.

Название рассказа «*Squaring the circle*», переводимое как «Оквadraticивание круга» либо «Квадратура круга», кажется алогичным в функции прямой номинации. (С точки зрения геометрии считается невозможным построить квадрат, имеющий площадь, равную площади круга.) В переносном же значении оно конденсирует идею текста: природные страсти человека, движимые по кругу, «оквadraticиваются» в углах большого города, подчиняясь прямолинейности его законов и обычаев. Отсюда словами автора «можно сказать, что большой город решил задачу о квадратуре круга», имея «обыкновение обламывать и обминать все, что в него входит» [4].

Выражение «*to square the circle*» функционирует в английском языке как устойчивое, означая «*to find a good solution to a problem when that seems impossible*» («найти выход из кажущегося безвыходным положения»), причем в словарной дефиниции содержится указание на то, что решение имеет благоприятный исход [5]. В русском языке известен лишь его приближенный функциональный аналог – «квадратура круга», декодируемый как: а) «площадь круга, превращенная в равновеликий квадрат» (неразрешимая задача); б) (перен.) «вообще о том, что является неразрешимым». Например, *О Журеньке я иногда думаю и стараюсь представить себе будущего зятя, но совершенно напрасно: это какая-то квадратура круга* (Д.Н. Мамин-Сибиряк) [6].

Таким образом, заголовок актуализирует два плана лексической семантики: прямое и переносное значение, что позволяет не только предугадать возможность разрешить неразрешимое, но и наметить – при буквальной расшифровке словосочетания *squaring the circle* – способ решения задачи.

Символическая функция тропов, включенных в повтор, и способы ее ретрансляции в переводе

Сюжетный силлогизм подкреплен не только блестящим использованием повтора (в особенности лексического, позволяющего «повысить семантико-стилистическую напряженность текста» [2]), но и логической формой тропов, включенных в повтор и реализующих функцию символизации.

Внешняя форма рассказа облегчает интерпретацию его речевого смысла, который раскрывается как в логических определениях (например: «*rectangular streets and floors*» – «прямоугольные комнаты и площади»; «*straight lines*» – «прямые линии», которые противопоставлены кривизне линий природы), так и в метафорах («*free circles of nature*» – «свободные законы природы, движущейся по кругу» и «*angles of the city*» – «углы большого города» (главный компонент последнего словосочетания определяется

при помощи эпитетов «*formidable, pitiless, restless, fierce*» – «*грозные, безжалостные, острые и жесткие*») [3; 4].

Англо- и русскоязычные словосочетания, как видим, образуют эквивокабульные и неэквивокабульные лексические соответствия. С одной стороны, компоненты ряда словосочетаний переводятся напрямую, их количественный состав сохранен: «*rectangular streets and floors*» = «*прямоугольные комнаты и площади*»; «*straight lines*» = «*прямые линии*»; «*angles of the city*» = «*углы большого города*». С другой стороны, нарушаются качественно-количественные корреляции компонентов словосочетаний как следствие описательного перевода/экспликации: «*free circles of nature*» – не «*свободные круги природы*», поскольку такая языковая форма нормативно дефектна, а «*свободные законы природы, движущейся по кругу*». Используется прием декомпрессии, преобразующий исходное словосочетание в развернутую номинацию с шестью компонентами, причем описательный перевод эксплицирует кванты информации, связанные с идеей циклического движения.

Метафорические эпитеты, включающие элемент сравнения, употребляются наряду с олицетворениями природы, искусства, мегаполиса («*Nature*», «*Art*», «*the city*»): «*Nature's most spontaneous lyric*» – «*вдохновенные лирические излияния Природы*» («*излияния Природы*» как лирика); «*Again had Art eliminated the familiar circle*» – «*И здесь опять Искусство преобразило знакомый круг представлений*» (используется добавление: не «*знакомый круг*», а «*знакомый круг представлений*»); «*кубический корень*» и «*квадратная мера*» жизни в большом городе. Метафора «*корень жизни*» осложняется определением «*кубический*» – суть жизни приравнивается к кубическому корню; метафора «*мера жизни*» оживает, сочетаясь с атрибутом «*квадратная*», – жизнь ограничена квадратообразным пространством [3; 4].

Нью-Йорк играет с Сэмом Фолуэлом, готов «оштамповать» его, а наигравшись, прижимает своими прямыми линиями – «*squeezed him with its straight lines*». Благодаря олицетворению оживает и мертвая метафора «*артерии города*», трансформируясь в метафорический эпитет «*прямые артерии города*» – «*rectangular arteries of the city*» (артерии живого существа имеют кривые, изогнутые линии, здесь же они искусственно выпрямляются).

Парадоксальность мировосприятия отражена и в курьезных оксюморонах, демонстрирующих денатурализацию/«окультуривание» предметов, нарочитую гибридизацию естественного и искусственного, приводящую к странным сочетаниям наподобие «*a prize chrysanthemum*» – «*голубая роза*» или «*wood alcohol whiskey*» – «*древесный спирт*» [3; 4].

Логические и поэтические определения, метафоры, олицетворения, имплицитные сравнения, как правило, образуют смысловые оппозиции. Антитеза-детерминант *Nature: denaturalized*, которая варьируется в плане языкового выражения, встраивается также и в синтаксически параллельные конструкции, закольцованные лексическим и/или морфемным повтором, что особенно заметно в предисловии.

Вступление «геометрического характера» [4] посредством антитез, усиленных повтором и параллелизмом, реализует символическую, или предметно-логическую функцию:

1. «*Nature moves in circles; Art in strait lines*» – «*Природа движется по кругу. Искусство – по прямой линии*». Переводчик, сохранив эллипсис, прибегнула к грамматической трансформации морфологического характера, заменив формы множественного числа сущ. «*circles*», «*lines*» сингулятивными. Природа движется *по кругу*, не *кругами* – грамматические замены обусловлены требованиями нормативности и содержательной эквивалентности.

2. «*The natural is rounded; the artificial is made up of angles*» – «*Все натуральное округлено, все искусственное угловато*» – «*rounded*» и «*округлено*» являются прямыми

лексико-грамматическими эквивалентами, вторая же часть предложения претерпевает категориально-морфологическую трансформацию. Последняя, на наш взгляд, оправдана с точки зрения экспрессивного синтаксиса, ибо с ее помощью структурно «выравниваются» предикативные части сложного бессоюзного предложения, унифицируясь в плане порядка следования компонентов и способов их морфологического выражения. Контекстуальная антонимия, таким образом, подкрепляется синтаксическим параллелизмом, что делает перевод более выразительным в сравнении с оригиналом.

3. «*A man lost in the snow wanders <...> in perfect circles; the city man's feet, denaturalized by rectangular streets and floors, carry him ever away from himself*» – «Человек, заблудившийся в метель <...>, описывает **круги**; ноги горожанина, приученные к **прямоугольным** комнатам и площадям, уводят его по **прямой линии** прочь от него самого». Словосочетание «to wander in perfect **circles**» лексически и синтаксически свернуто в переводном варианте «описывать **круги**», вмещающем семы «блуждать», «плутать», как правило, бесцельно и отклоняясь от курса», что в целом соответствует семантическому объему английского глгола «to wander» – «to walk around slowly in a relaxed way or without any clear purpose or direction» [7]. Но в переводе именно на уровне поверхностной структуры отсутствуют «кванты повторной информации» [8]: «lost in the snow wanders», скорее всего, в силу смысловой избыточности [3; 4]. Во вторую часть переводного предложения, напротив, вводится уточняющая информация в виде словосочетания «по **прямой линии**» (используется прием «добавление»); сравним: «*carry him ever away from himself*» – «уводят его по **прямой линии** прочь от него самого». Переводчик намеренно обращается к дистантному лексическому повтору как средству интенсификации членов оппозиции «круг(лый) – прямой».

Таким образом, контекстуальные антонимы и контрастивные сравнения изобилуют именно в этой части произведения: движение *по кругу* противостоит движению *по прямой линии*, *округлая форма* натурального – *угловатой форме* искусственного. Символом невинности становятся «*круглые глаза* ребенка» (в процессе перевода произошла деметафоризация выражения «the round eyes of childhood», переводимого буквально как «круглые глаза детства»), намеком на хитрость – «*прямая линия* рта». *Округленность* приравнивается к атрибуту красоты, ведь *круг*, все *округлое* есть не что иное, как олицетворение естества. А все, имеющее прямые линии и образующее углы, символизирует Искусство и искусственность как утрату природных свойств и пере рождение [3; 4].

Как видим, способы выражения дуалистичности языковой картины мира не характеризуются богатством лексического инвентаря, что имеет вполне объяснимые причины: сама коммуникативная интенция не позволяет прибегнуть к синонимическим заменам. Ведь требуется произвести условное членение мира при помощи циркуля и линейки, в результате чего образуются либо круги, либо прямые линии.

Роль морфемного и лексического повтора в конституировании смысловых «узлов» и векторов деривации ИТ и ПТ

Мы считаем, что прагматически оправдано использование не только лексического, но и морфемного повтора (корневого) как наиболее удачного приема авторской комбинаторной техники, вводящего ключевые слова в процесс «деривационного функционирования» (Н.Д. Голев) [9; 10].

Контрастирующие ключевые слова (а это «circle» – «круг» с одной стороны и «rectangularity» – «прямолинейность» с другой), помещенные в параллельные лексико-деривационные ряды, мотивируют вторичное в условиях данной речевой ситуации производство понятийно смежных однокоренных слов, выступающих в статике как смысловые узлы текста, а в динамике – как векторы текстовой деривации. (В данном

случае в соответствии с положениями деривационной лексикологии мы не подразумеваем отношения непосредственной словообразовательной производности; главное здесь – инерция движения авторской мысли, обеспечиваемая повтором).

Попытаемся теперь установить степень структурно-семантической переводческой эквивалентности для слов, выступающих в роли компонентов лексико-деривационной цепи, выявляя, где это возможно, семантические потери или, наоборот, приращения. Иначе говоря, ключевые контекстные слова, образующие фигуру «морфемный повтор», мы охарактеризуем в статусе межъязыковых лексических соответствий, отметив степень развернутости в обоих текстах сквозных лексико-деривационных рядов.

Отличительной чертой оригинала является то, что значение круга, округленности вербализуется в нем разнокоренными словами «circle», «round», «orbit», «rotundity», «ring», а значение круговорота, цикличности – только первыми тремя словами. Употребление номинатива «orbit» глубоко символично: планета вырвана из своей орбиты – «*burled from its orbit*» и превращена в «прямоугольную плоскость». В основной части текста используется еще одно слово с семантикой «кружение», «вихревое движение» – «whirl», к которому, однако, подобрано не словарное, а окказиональное соответствие – словосочетание «гуща пассажиров», полученное в результате модуляции, или смыслового развития: *A cabby picked him out of the whirl* <...> – *Кэбмен выхватил Сэма из гущи пассажиров* <...>. Значение русскоязычного аналога выводится логическим путем из значения исходного слова «whirl», декодируемого здесь как «something that turns round in circles» [7]. Употребленное метафорически словосочетание «гуща пассажиров» означает место наибольшего скопления людей, что априори предполагает и спешку, и водоворот, и кружение, – в общем, всю суматоху жизни.

Поскольку семантика «круг» – «кружение» репрезентируется в англоязычном тексте разнокоренными словами, неизбежна дискретность в выражении цикличности на уровне морфем, т.е. разорванность, прерывистость цепочек родственных слов. По сути, мы имеем дело не с одной, а с двумя цепочками дистантно расположенных однокоренных слов, зачастую спорадически повторяемых в неизменном виде (случаи аппликации, или наложения, лексического повтора на морфемный): 1) *circle* («moves in circles» → «wanders in circles») → *circularity* → *circle* («squaring the circle» → «moving and living in the free circles of nature» → «the familiar circle») и 2) *rounded* («the natural is rounded») → *round* («round eyes of childhood») → *rounded* («lips rounded for the candid kiss») → *round* («the «round» of drinks» – «круговая чаша» символизирует движение по кругу, вкруговую: из такой чаши пьют все гости, передавая ее друг другу). Третий ряд образован исключительно лексическим повтором: *the wedding ring, the circus ring, the ring for the waiter*. Номинатив *ring* в контексте приведенных словосочетаний реализует значения «кольцо», «арена» и «монета». Наконец, сущ. «rotundity» не образует никаких рядов, встречаясь однократно в метафоре «the rotundity of his heart and brain», буквально переводимой как «округлость сердца и ума»: <...> «city waiting in the dark to close about the rotundity of his heart and brain <...>» – <...> «города, затаившегося во мраке и готового сомкнуться вкруг его сердца и мозга <...>» [3; 4]. Деметафоризация выражения ведет к потере образности; воспроизводится – путем добавления наречия «вкруг» – только референциальная часть итерируемой семантики.

Во вторичном тексте, напротив, образность лексико-деривационного ряда с мотиватором «круг» усиливается за счет повтора одного и того же корня -*круг*-: «круг», «округлить», «круглый», «круговой», «округлиться», «округленность». Дискретность в выражении идеи круглого/кругового на уровне морфем снимается тем, что компоненты трех самостоятельных лексико-деривационных рядов, имеющих место в ИТ, объединяются в один ряд, но с определенными количественными потерями. В итоге выстраивается восьмичленная цепочка родственных слов, последовательно развивающих замы-

сел: *круг* («движется по кругу») → *округлить* («все натуральное округлено») → *круг* («описывать круги») → *круглый* («круглые глаза») → *округлиться* («на губах, округлившись для невинного поцелуя») → *округленность* → *круглый* («круглый пирог») → *круговой* («круговая чаша») [3; 4].

Таким образом, со словом «circle» нами зафиксировано 5 случаев субстантивного лексического повтора и всего лишь два морфемного (*circle – circularity*). Со словом «round», в свою очередь, отмечено два случая лексического повтора, причем данное слово в приведенных лингвистических контекстах функционирует то в статусе прилагательного, то в статусе существительного; причастие прошедшего времени «rounded», повторяемое двукратно, реализует функции определения и части составного сказуемого; в морфемном повторе участвуют только два слова – «round» и «rounded». Существительное «ring» итерировано три раза в неизменной форме.

Произведя простой подсчет, мы видим, что в тексте оригинала общее количество речевых единиц, использованных для вербализации понятий «круг», «круговорот» и др., значительно превышает количество таковых в ПТ (соотношение 16 к 8), что свидетельствует о более развитой лексической синонимии в английском языке. В лексической подсистеме русского языка не находится столько же разнокоренных словарных соответствий английским лексемам, что вынуждает переводчика обратиться к итерации одного и того же корня, но не столько в рамках словоизменительной парадигмы, сколько в рамках словообразовательного гнезда.

Если провести более детальный лингвистический анализ вторичного текста, в одном функционально-тематическом фокусе можно увидеть слова, ассоциируемые с идеей круглого, а в другом – с идеей прямолинейного, что также вносит вклад в систему интенсификаторов речевого смысла. С одной стороны, это «полная луна» – «full moon», «купола храмов» – «the domes of splendid temples», «пирог с черникой» – «the huckleberry pie», «обручальное кольцо» – «the wedding ring», «арена цирка» – «the circus ring», «монета на чай официанту» – «the ring for the waiter». (Отдельно следует отметить появление в переводном тексте слова с этимоном *-кол-*, что, видимо, позволяет компенсировать семантические потери: словоформа «(You)'ve been loafing **around**» передана синонимичным соответствием «околачиваешься», которое подчеркивает хаотичное круговое перемещение в незнакомом месте.) С другой стороны, это «жесткие правила, не допускающие компромисса», движение, «введенное в границы», – в общем, «квадратная мера» жизни. Последнюю надежду вырваться из тисков города символизирует слово «door-knob», называющее именно круглую дверную ручку или дверную ручку-кнопку: *Sam's hand found no door-knob – it slid, in vain, over a rectangular brass plate <...>* [3]. Однако в переводе («дверная ручка») такой значимый факт не представлен, из-за чего символизм утрачивается.

Переводческие действия и решения имеют как собственно лингвистическое, так и экстралингвистическое обоснование.

Импульсное развертывание сквозной многокомпонентной лексико-деривационной цепи возможно только в русскоязычном тексте, благодаря наполненности словообразовательного гнезда с вершиной «круг» словами сомотивированными либо находящимися на разных ступенях деривации. В английском же языке пространство аффиксальной деривации более сжато, поэтому автор в первую очередь делает акцент не на морфемном, а на лексическом повторе разнокоренных синонимов, языковых и контекстуальных. Действия переводчика продиктованы и прагма-языковыми установками: коммуникативными интенциями, текстуальными ограничениями. Вполне очевидно, что повтор не приводит к семантическому обеднению текста, а, наоборот, выступает в роли семантико-стилистического конденсатора и интенсификатора его смысла.

Благодаря итерации корня *-кругл-*, реализуются символическая и усилительная функции опорных слов.

В оппозиции к рассмотренному значению находится значение прямолинейности, которое также имеет рекуррентные формы выражения: с одной стороны, мы имеем дело с прямыми линиями (в том числе образующими квадрат и прямоугольник либо представляющими грань, край, обрез чего-либо), с другой же – с углами, для номинации которых в тексте используются не только слова «angle» и «corner», но и «edge».

Последние три слова участвуют в построении лексико-деривационных рядов, как распространенных, так и нераспространенных: 1) *angle* («the artificial is made up of angles») → *rectangular* («rectangular streets») → *angle* («conform to its angles» → «fierce angles of the great city») → *rectangular* («rectangular brass plate») → *angle* («in the angles of Broadway»); 2) *corner* («sharp corners» → «sharp corner») → *cornered* («cornered plain»); 3) *edged* («edged plain») → *edge* («sharp edge of the building»).

Таким образом, в исходном тексте отмечено четыре случая итерации существительного «angle» и два существительного «corner». Сквозная цепочка с последовательным чередованием двух однокоренных слов «angle» и «rectangular», а именно: *angle* → *rectangular* → *angle* → *rectangular* → *angle* показывает совмещение лексического и морфемного повтора. (Прилагательное «rectangular» произведено от существительного «rectangle», заимствованного из средне-французского (Middle French). Последнее, в свою очередь, было образовано на основе латинского *rectangulum*, означавшего буквально «a triangle having a right angle») [11]. Формы числа существительного *corner*, образующие такой вариант повтора, как полиптотон («sharp corners» → «sharp corner»), используются в роли коммуникативных мотиваторов причастия *cornered*, а причастие *edged* по законам обратной деривации дает импульс к появлению сущ. *edge*.

Хотя существительное «line» – «линия» определяется и как *straight*, и как *narrowed*, и как *horizontal*, именно адъектив «straight» включается в пятикратную геминацию (лексический повтор) в окружении слов «lines», «front», «rows». Отличием русскоязычного текста в плане количественной репрезентации слова-понятия «straight» является то, что частотность употребления его прямого словарного эквивалента существенно возрастает (в два раза). Переводчик, если позволяют средства ПЯ, поддерживает и интенсифицирует геминацию слова «прямой» и производных от него, производя синонимические замены в пользу лексического повтора. Если, например, дериват «rectangularity» в словосочетании «the rectangularity of laws» получает окказиональное соответствие «**прямолинейность** законов» (букв. значение – «the property of being shaped like a rectangle» – «прямоугольность, прямоугольная форма») в ответ на требование лексической валентности, то причастие «undeviating» в словосочетании «the undeviating pavements» получает экспликацию «тротуары, **никогда не отклоняющиеся от прямой линии**» по языковым и прагма-языковым причинам. Семантическая структура английского причастия «undeviating» настолько сконденсирована – «keeping a true course», «not turning aside or departing from a set direction or intention», – что без описательного перевода невозможно обойтись. Однако в тексте перевода производится замена выражения «не отклоняющиеся от намеченного курса» на «не отклоняющиеся от прямой линии». Все вместе взятое, а именно: «**прямые** линии улиц и зданий», «**прямолинейность** законов», «тротуары, **никогда не отклоняющиеся от прямой линии**» и др. – «выравнивает» способы передачи искомой семантики, унифицируя переводные аналоги по признаку общности корня.

Лексическим повтором адъектив «прямой» охвачен в сочетании с существительными «линия» (9 раз), «складочки» (1 раз) и «артерии» (1 раз). Несмотря на то, что в формальном языковом плане это непроемное слово, нельзя отрицать его участия в деривации целого текста.

Производным от слова «прямой» является сложно-суффиксальное образование «прямоугольный», которое встречается три раза: «*прямоугольные* комнаты и площади», «*прямоугольная* плоскость, нарезанная на участки» (планета), «*прямоугольная* дубовая панель» двери, за которую невозможно ухватиться [3; 4]. Слова «прямой», «прямоугольный» и «прямолинейность» образуют один лексико-деривационный ряд. В итоге насчитывается 15 случаев повтора корня *-прям-*.

С адъектива «угловатый» начинается конструирование следующего лексико-деривационного ряда: *угловатый* («все искусственное *угловато*») → *прямоугольный* («к *прямоугольным* комнатам и площадям») → *угол* («огибать острые *углы*») → «придавать форму своих *углов*» → «острые и жесткие *углы* большого города») → *прямоугольный* («в *прямоугольную* плоскость») → *угол* («к острому *углу* каменного здания») → *прямоугольный* («по *прямоугольной* дубовой панели») → *угол* («завернул за острый *угол* <...> здания») → «на *углу* Бродвея, Пятой авеню и Двадцать третьей улицы») [3; 4].

Как можно заметить, в количественном отношении (по наполненности) данный ряд практически соответствует коррелирующим с ним англоязычным рядам вместе взятым, которые основаны на повторе слов «angle», «corner» и «edge». Композит «прямолинейность» не имеет эквивокабульного переводческого соответствия по лингвистическим причинам: в английском языке обозначаемое им понятие выражается расщепленно, при помощи целостного словосочетания «straight lines». Сложно-суффиксальное прилагательное «прямоугольный», в силу своей словообразовательной структуры, включается в два лексико-деривационных ряда, актуализируя одновременно два корневых значения. Акцентуация семантики «straight», «angle» в англоязычном тексте осуществляется в самоизоляции, без взаимопроникновения компонентов разных рядов, объяснением чему является простой морфемный состав итерированных английских слов.

Таким образом, по отношению к способам морфемного выделения второго члена оппозиции *круг: прямые* (линии, углы) в ПТ и ИТ пристало говорить о схожих тенденциях: основную коммуникативную нагрузку, а наряду с ней и текстообразующую несет лексический повтор, дополняемый морфемным повтором. Однако в тексте оригинала шире используются средства синонимического обозначения понятия «прямой», перевод которых осуществляется при помощи перифраз-экспликаций: «the *narrowed* line of the flirts optic» – «прищуренные, суженные до прямой линии глаза кокетки», «the *horizontal* mouth» – прямая линия рта и др.

Обращаясь к количественно-статистическим данным, можно подтвердить наши наблюдения и выводы. Так, в непосредственном языковом выражении понятий «круг» и «круговой» в исходном тексте принимает участие 16 речевых единиц, а во вторичном 8, что вызвано преимущественно расхождением лексических и словообразовательных подсистем английского и русского языков, частичным совпадением языковой и визуальной нормативности. Количество речевых единиц, вербализующих семантику прямолинейности, напротив, практически выравнивается (19 и 22), в первую очередь за счет лексического повтора.

Заключение

Несмотря на параллелизм развития двух взаимоисключающих концепций, автор, а вслед за ним и переводчик стремятся свести к единому субстанциональному основанию принципиально разные вещи – природу и искусство, прийти к компромиссу, что должно найти соответствующее языковое выражение. В финале должно произойти «оквадрачивание круга», а не наоборот; это, на наш взгляд, и объясняет числовое превосходство слов с семантикой «прямой» в обоих текстах. О. Генри решает задачу о квадратуре круга, но решение кажется не таким уж парадоксальным... Возможен ли возврат

к исходной точке для Сэма Фолуэла? Вряд ли. Город, меняя угол обзора, отрезвляет героя – и в этом преимущество его жестко-прямолинейных форм.

Хотя ИТ и ПТ описывают одну и ту же внеязыковую ситуацию и в целом оказывают схожее регулятивное воздействие на читателя, их вряд ли можно признать эквивалентными на уровне структурного содержания. Текстуальная аналогичность прослеживается на отдельных участках предложений, выражаясь в синтаксическом параллелизме, повторах, амплификациях. Способы описания ситуации зачастую варьируются в обоих текстах: используются другие образы при объединении признаков ситуации в одно предложение, изменяется семантическое согласование – например, при переводе отрезка «the city man's feet, *denaturalized* by rectangular streets and floors» на русский язык нельзя сказать «ноги горожанина, *денатуризованные* прямоугольными улицами и полами» (художественный перевод: «ноги горожанина, *приученные* к прямоугольным комнатам и площадям); отмечаются лексические, грамматические и смешанные трансформации, что, в общем-то, закономерно для художественного перевода. Из лексических переводческих соответствий преобладают окказиональные; частотны добавление и экспликация как приемы перевода.

Переводчик Н. Дарузес, стремясь обеспечить высокий уровень семантической адекватности и художественности ПЯ, по возможности компенсировала семантико-стилистические потери, важные для считывания символического кода оригинала, однако отдельные случаи деметафоризации остались неучтенными. Вместе с тем она удачно сочетает стилистические средства лексики и морфематики – лексический и морфемный повтор, посредством которых итерируется корневая семантика опорных слов, реализующих символическую функцию.

Учитывая результаты семантического и контекстуального анализа лексических переводческих соответствий, мы должны заключить, что словообразовательный потенциал опорных контекстных лексем, объединенных отношениями структурно-семантической общности, оказывается выше в русскоязычном тексте. Переводчик Н. Дарузес смогла сосредоточиться на использовании морфемного повтора как особой переводческой техники, актуализирующей именно внутреннюю форму слова, показывающей именно деривационный срез функционирования слов с идентичным корнем (что особенно наглядно показано на примере итерации корня *-круг-*). Однако в целях семантико-стилистической интенсификации речевых единиц и, как итог, придания тексту еще большей напряженности переводчик обратилась к лексическому повтору. Причем она не только воспроизвела использованный автором лексический повтор, но и самостоятельно смоделировала его на других отрезках текста, если это поддерживалось требованиями языковой нормативности и коммуникативной целесообразности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сибирцева, Е. И. К вопросу о специфике модуса художественности в рассказах О. Генри / Е. И. Сибирцева // Вестн. КРАУНЦ. Сер. гуманитар. наук. – 2012. – № 2 (20). – С. 87–90.
2. Валгина, Н. С. Теория текста. Повторная номинация [Электронный ресурс] / Н. С. Валгина. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/10.htm>. – Дата доступа: 10.09.2016.
3. Henry, O. Squaring the circle [Electronic resource] / O. Henry. – Mode of access: <https://americanliterature.com/author/o-henry/short-story/squaring-the-circle>. – Date of access: 05.09.2016.
4. Генри, О. Квадратура круга [Электронный ресурс] / О. Генри. – Режим доступа: http://rulibs.com/ru_zar/humor_prose/genri/0/j58.html. – Дата доступа: 05.09.2016.

5. Cambridge Idioms Dictionary [Electronic resource]. – 2006. – Mode of access: <http://www.cambridge.org/gb/cambridgeenglish/catalog/dictionaries/cambridge-idioms-dictionary-2nd-edition>. – Date of access: 07.09.2016.
6. Словарь фразеологизмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://moyslovar.ru/slovari/slovar_frazeologizmov/slovo/круг. – Дата доступа: 24.09.2016.
7. Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wander>. – Date of access: 24.09.2016.
8. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., пер. – М. : Флинта : Наука, 2003.
9. Голев, Н. Д. Деривационное функционирование слова как предмет деривационной лексикологии [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z92.html>. – Дата доступа: 10.09.2016.
10. Голев, Н. Д. Функционирование лексических единиц как носителей морфемно-деривационных структур в тексте [Электронный ресурс] / Н. Д. Голев. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z73.html>. – Дата доступа: 15.12.2015.
11. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.etymonline.com/index.php?term=rectangle&allowed_in_frame=0. – Date of access: 03.10.2016.
12. Латышев, Л. К. Перевод: теория, практика и методика преподавания : учеб. пособие для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М. : Академия, 2003. – 192 с.
13. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Ин-т общ. и сред. образования Рос. Акад. Образования, 2001. – 224 с.
14. Гвишиани, Н. Б. Структурная и функциональная типология в сопоставительном анализе продуктивного словообразования в английском и русском языках / Н. Б. Гвишиани // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 2013. – № 5 (106). – С. 50–55.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 29.08.2017

Likhach T.P., Drozdovich J.V. The Explicature of Dualism in Reality Perception by Means of Word Repetition and Morphemic Iteration in the Story «Squaring the Circle» by O. Henry

The article discusses symbolic and emphatic functions of word repetition and morphemic iteration (alongside with other stylistic devices covered by repetition: metaphor, antithesis, personification, parallelism, oxymoron, etc.), exploited to develop the main concept of O. Henry's story «Squaring the circle» – dualism of a man's reality perception, rooted in separation between Art and Nature. It suggests an examination of different linguistic patterns of repetition made explicit, mainly, through the use of parallel arrangements of key words interconnected with one another both semantically and structurally within a complex piece of text, written not only in the source language but also in the target one. Another related issue refers to establishing the measure of correspondence between English and Russian lexical units involved in repetition in the original text and its translation into Russian by N. Daruzes. The strengths and gaps of used direct and oblique translation techniques are pointed out.